

В. В. КУШЕВ

К БИОГРАФИИ ‘АЛИ-АКБАРА ОРАКЗАЯ—АФГАНСКОГО
ПОЭТА XVIII ВЕКА

(По его произведениям в уникальной рукописи Матенадарана)

Общее количество рукописей на афганском языке, зафиксированных в научной литературе в виде каталогов, списков, отдельных упоминаний, а также опубликованных, исчисляется несколькими сотнями для хранилищ всего мира. Более тридцати из них находятся в Советском Союзе, причем почти все они сосредоточены в Ленинграде, в рукописном собрании Института востоковедения АН СССР. Здесь есть несколько редких и уникальных манускриптов, среди которых — список дивана поэта второй половины XVIII века ‘Абд ар-Рахима Хотака Кандахарӣ: этот диван, отсутствующий даже в самых богатых в мире хранилищах Афганистана и Великобритании, недавно введен в научный обиход¹.

Известны еще две афганские рукописи, хранящиеся в нашей стране. Обе они содержат произведения поэтов того же времени и обе по-разному интересны. Ташкентская рукопись дивана первого правителя независимого афганского государства Ахмад-шаха Дуррани охарактеризована в каталоге собрания Института востоковедения АН Узбекской ССР. Она ценна своими художественными достоинствами и тем, что была изготовлена при жизни ее автора, однако отмечены и другие списки дивана. Эта рукопись тоже изучается².

Совсем по-иному интересна другая рукопись — два собрания стихов из коллекции Матенадарана (фонд восточных рукописей Матенадарана, № 538). Это уникальный список произведений афганского поэта; до недавнего времени ни о нем самом, ни о его сочинениях ничего не было известно. Лишь в 1964 году статью об этой рукописи опубликовал афганский филолог Абдулла Бахтанай, который дал ее описание, сообщил имя автора и название, приложил скопирован-

¹ Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сборник статей в честь 70-летия профессора И. П. Петрушевского, М., 1968, с. 67—72.

² Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР, том II, Ташкент, 1954, № 1594; Э. Якубова, Редкая рукопись. — «Узбекистан маданияти», 12.X.71.

ный им текст нескольких стихотворений. Большого он не успел сделать за короткое время ознакомления с книгой³.

Автор настоящей статьи узнал о рукописи значительно позже, в конце 1969 года, когда совершавший поездку по городам Закавказья и Средней Азии научный сотрудник Эрмитажа А. А. Иванов, любезно выполняя просьбу узнавать всюду о наличии афганских рукописей, привез из Еревана сведения о ее шифре и названии. Только на следующий год в Кабуле автор узнал от А. Бахтаная о его статье и смог ее прочесть. Афганский ученый высказал предположение, что детальное изучение рукописи поможет больше узнать об авторе.

Рукописный отдел ЛО ИВ АН при любезном содействии директора Матенадарана акад. Л. С. Хачкяна и профессора А. Д. Папазяна получил микрофильм рукописи, и более глубокое изучение его позволило обнаружить еще немало фактов, дающих представление об авторе, о лицах, которые его окружали, о событиях, участником и очевидцем которых он был, о местах, которые он посетил. В своих сочинениях—разнообразных по стилю и жанру—автор предстает перед читателем и как одаренный поэт и прозаик, писавший на двух языках, и как полководец и политический деятель. Кроме того он был каллиграфом и художником, о чем будет сказано ниже.

Не ставя перед собой задачи литературоведческого анализа произведений, мы касаемся только всего этого материала, имеющего источниковедческий характер.

Рукопись состоит из двух основных частей: собрания стихотворений на пашто и собрания стихотворных и прозаических сочинений на персидском языке. Каждому из них предпослано персидское предисловие. Эти собрания не могут быть названы диванами, так как стихи в них не приведены в необходимый порядок. О причинах этого мы узнаем от самого автора (см. ниже), который, кстати, предпочитает называть свою работу „сборником“ и реже прилагает к ней название „диван“. Книгу заключают миниатюры с разного рода записями и сборник коротких рассказов-шуток.

Почти все части книги дают информацию о ее авторе.

Полное имя поэта названо им самим в обоих предисловиях—'Али-Акбар ибн Қасим-хан Оракзай, родом афганец, житель Тираха в Хайбере (лл. 16а, 80а); часть своего имени—Акбар—он избрал тахаллусом, который употреблен в газелях, за исключением *макта'*—одной из них, где встречается форма 'Али-Акбар-хан.

В первом предисловии поэт знакомит читателя с некоторыми моментами своей творческой биографии, с историей появления на свет

³ عبد الله بختانی—علی اکبر آپریدی اود هغه قلمی دیوان «گدشن»
افغان—مجله کابل—۱۳۴۳ (۱۹۶۴) ۷—(۵۴۰)

обоих „диванов“, открывает свое отношение к поэзии и языку литературы.

Из этого предисловия к сборнику явствует, что самую раннюю его часть составляют газели. Поэт рассказывает читателю, что он „в юном возрасте, в детские годы, когда натура его подобно ладони нищего была лишена звонких монет поэтической науки и сокровищница его груди еще не наполнилась динарами содержания и смысла, по велению султана желанья зачернил несколько страниц набросками газелей на афганском языке... И они были написаны и переписаны на разных листах“ (л. 16а). Позднее, после знакомства со стихами известных поэтов и изучения поэтики Акбару его ранние стихи показались „никчемными и заслуживающими уничтожения“, он стал их стыдиться, не хотел собирать их вместе и редактировать, а намеревался выбросить, но все же в последнюю минуту, „повинуясь голосу разума“, сохранил их, надеясь, что найдутся люди, которым эти стихи доставят удовольствие (л. 17а).

Совершенно очевидно, что Акбар очень любил свой родной язык и заботился о его сохранении и о его совершенствовании как языка поэзии. Он вообще высоко ценил такой „божий“ дар человеку как речь и язык.

Постоянно, во многих газелях, кит'а, касыдах Акбар воспевает красоту слова, поэтическое искусство само по себе и как средство выражения прекрасного, прославляет тех, кто творит поэзию, кто пестует и развивает родной язык и учит других любить его и понимать его тонкости. Интересно, что начиная предисловие, как это принято, с восхваления бога, он славит его именно и только за то, что он „сделал язык каждого его славящего произносящим множество разных слов и каждый народ научил значениям слов арабских, дари и афганских“, что „хартию бытия человека украсил тугрою „поэты—ученики милосердного“ и „степень поэтов возвысил почетным изречением „воистину, от стихов мудрость“ (л. 14б—15а). Поэт, придавая большое значение развитию письменной культуры, утверждает, что особенно большим и важным делом является „собрание и упорядочение афганских слов, которые употребляются редко и не для бесед пустословов“ (л. 15б). Поэтому, хотя и не считая себя способным литератором, он решил сохранить для современников и потомков „наброски газелей на афганском языке, которым предки пользовались для разговора“. Надеясь, что сборник его стихов поможет обучению тех, кто не знает грамоты, и тех, для кого афганский язык не родной, автор полагает, что даже „никогда не слышавший афганских стихов, изучив диван, в короткое время превзойдет носителей этого языка“ и увядшая память незнакомых с этим языком при рассматривании такого „букета ярких словесных цветов и сладких плодов значений... обретет свежесть и сочность“ (л. 18а).

Однако отводя своим произведениям такую роль в изучении и развитии литературного языка, Акбар понимает, что для поэзии язык лишь материал, из которого творят стихи, и что для такого твор-

чества необходимо еще и овладение поэтической наукой. Акбар жил, как мы увидим ниже, в годы правления первых шахов Дуррани, составившие период расцвета в культурной жизни Афганистана. И Ахмад-шах, и Тимур-шах сами писали стихи, причем первый оставил большой диван на пашто, поныне пользующийся известностью и любовью у афганцев. При дворе этих шахов знали, понимали и любили поэзию, относились к ней строго, и потому вполне понятны и заявление поэта, состоявшего на службе у дурранийских наместников, о том, будто „мнению мудрых мира сего очевидно, что сочинительство и писательское занятие—дело серьезное и почетное“, и его страх перед тем, что „бедный автор за малейшую погрешность,—подобно тому, как говорят арабы: кто сочинил, уже стал мишенью,—может стать целью для стрел упреков предшественников и потомков, особенно такой (автор), который никогда не отправлялся в путь по этой трудной области искусства, не заимствовал опыта у поэтов, в общении с ними не выскабливал со страниц памяти слов незнания и невежественности, не шел от стихов беспорядочных к размеренным“ (л. 15б—16а). Будучи убежден, что без всего этого невозможно достичь высот в поэзии—и, следовательно, при дворе тоже, если не искать к тому других путей,—Акбар уже в молодости, желая писать по-персидски (это был язык Тимур-шаха, его двора, а также канцелярий и двора наместников в индийских владениях), принялся усердно изучать поэтическую науку, по-видимому, у персоязычных поэтов и адибов. Он потратил на это, по его словам, много усилий, которые были вознаграждены: его персидские стихи, написанные столь же простым языком, что и многие афганские, превосходят эти последние как языковой и стилистической выразительностью, так и строгостью форм и метра. Впрочем, эти качества присущи и некоторым, вероятно, более поздним, афганским газелям.

Несомненно, Акбар неплохо знал афганскую и персидскую поэзию. Афганскому поэту Хушхал-хану Хатаку он посвятил одну из касид, написал рубаи на дари в подражание четверостишиям 'Абд ал-Кадира Хатака (л. 100б), многие его газели языком и стилем напоминают стихи 'Абд ар-Рахмана Моманда. Из персоязычных поэтов он знал Хафиза, Са'ди, Джами, чьи имена встречаются в его произведениях; у Акбара есть газель, написанная на бейт одной из газелей Файза (л. 188б); имеется газель, очевидно взятая из дивана Ахмад-и Джама, ибо она снабжена заголовком: غزلی از ملحقات که روافض در دیوان احمد جام به تهمت الحاق نموده اند (л. 129а—130а).

Преследуя религиозные цели (в следующей за этой газели Акбар обрушивается на тех же „проклятых безбожников рафизитов“), поэт здесь невольно выступает как текстолог (л. 131аб).

Акбар — мы уже убедились в этом — строго судил собственные произведения, и если о лучших из них он пишет, что „с помощью водолаза мысли вынес их, подобно жемчугу, из пучины моря природы на берег письмен“, то остальные сравнивает с „обломками пустых раковин, достойных детей, а не ученых старцев, подходящих безумцам, а не разумным властелинам слова“.

Он сознает, что самому ему трудно увидеть слабость и несовершенство своих творений, и, вспомнив арабскую пословицу: „хотя дитя имеет недостатки, в глазах отца оно их лишено“, выражает надежду, „что справедливые читатели при виде их не наморщат лоб, не нахмурят брови и не положат палец возражения против слов уместных и неуместных, а если представится возможность, не пренебрегут исправлением“ (л. 176). Даже некоторые поздние персидские стихотворения Акбар называет „бессодержательными газелями и нестройными стихами“ и тоже просит всех читателей „освободиться от иронии и предвзятости и всюду и везде провести пером исправления“ (л. 80а).

К поздним произведениям принадлежат также рубаи и таржибанды на языке пашто. Приблизительно в то же время, что и многие его персидские стихи и проза, были сложены все или почти все афганские касыды: они относятся к концу семидесятых и к восьмидесятым годам, как можно заключить из их содержания.

Все восемь афганских касыд Акбара являются источником разнообразных сведений о нем самом. Они не только автобиографичны, но весьма любопытны еще и тем, что в них излагаются, хотя и отрывочно и тенденциозно, современные автору события, характеризуются исторические личности, называются населенные пункты, которые посетил поэт, и другие географические детерминанты.

Уже первая из касыд содержит интереснейшее сведение, позволяющее определить приблизительное время рождения 'Али - Акбар-хана.

Стихи этой касыды лаконичны и насыщены, короткая мисра предельно информативна. Расположенная на перебитых листах 586—596, 20аб, 47аб касыда начинается с рассуждений о превратностях рока и капризах небес, которые то низвергают с трона шахов, то возвышают нищих, разоряют богачей и осыпают золотом бедняков, воздвигают города на месте руин и уничтожают цветущие оазисы. Такое начало органично сливается с последующим рассказом об удивительной судьбе Нāдир-шāха, сына пастуха, который после ряда неудач, а затем многочисленных побед стал правителем огромной империи, но был убит своими же приближенными. Касыда отражает симпатии поэта к Нāдиру Афшāру (здесь следует упомянуть, что Ахмад-шāх, которому служил поэт и судьбе которого посвящены заключительные бейты этой касыды, был верным полководцем Нāди-

ра), но самое ценное для нас то, что автор включил в нее два бейта с указанием на время своего рождения:

„Когда я пришел в этот мир,
Из небытия в явь,
Царствование Надир-шаха было
В мире“... (л. 59б)

Отсюда можно заключить, что Акбар родился между 1736 и 1747 годами, но едва ли в конце этого промежутка времени, потому что, как мы увидим дальше, около 1765 года он уже служил при дворе афганского наместника в Кашмире.

Наиболее интересна самая длинная, восьмая касыда (149 бейтов, лл. 62а—69б). Она посвящена политическим событиям, интригам, сражениям, в которых поэт принимал самое деятельное участие. Он провел несколько лет в Кашмире, когда наместником там был Нур ад-дин Попалзай (с 1762 г.), и считает это время лучшим в своей жизни: он общался со многими литераторами и вельможами, видимо, тогда же совершенствовался в языке дари и суфизме, изучал поэтику.

Вынужденный уехать, долго стремился обратно и снова попал в Кашмир при содействии принца Султан-Махмуда, второго сына Тимур-шаха, отправившись около 1774 года с войском против мятежного наместника Амир-хана Джаваншера. Действуя совместно с войском Хаджжи Каримдад-хана, проявил, по его собственным словам, воинское искусство и доблесть. Амир-хан в 1190/1776 г. (дата в стихах) был пленен и „скован цепью, как собака“, наместником стал деспотичный Каримдад-хан.

Касыда излагает многие подробности этого события, включая первый безрезультатный поход в Камрадж и второй, закончившийся победой после сражений в Камрадже и Пакли. В последующие годы, в результате интриг, клеветы и лжи, Акбар покинул Кашмир, долго скитался и жил в бедности, однако после этого ему еще довелось в течение восьми месяцев служить у Каримдад-хана. Немилость к себе он объясняет происками врагов и в конце касыды называет наместника „добрым сардаром“.

Однако третья и шестая по порядку касыды отражают те настроения, которые владели Акбаром в годы изгнания.

Третья касыда представлена только фрагментом на двух страницах (л. 29аб), не имеет конца, три бейта не вписаны. Она говорит о жестокости Каримдада, о его несправедливости даже по отношению к друзьям и близким. Автор утверждает здесь, что он никогда не желал зла правоверным и поэтому бог, зная, что за ним нет вины,

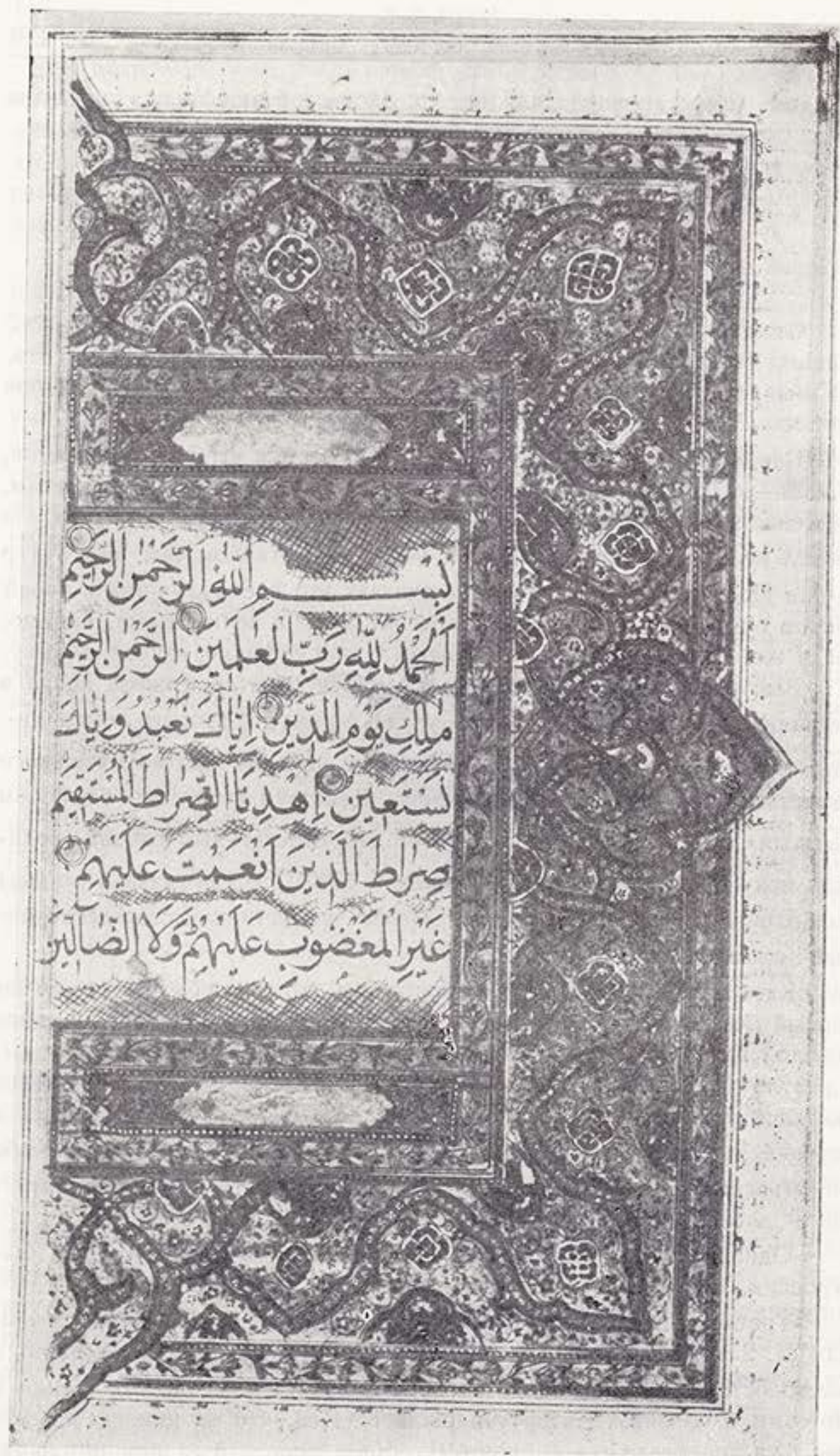

Рис. 1. Фронтиспис рукописи.

Рис. 2. Одна из миниатюр

своим гневом сокрушит его врагов и клеветников, будь то пуштуны или моголы, неверные или мусульмане, оракзаи или афридни.

По-видимому, у Акбара было немало недоброжелателей, так как он часто возвращается к этой теме и жалуется на них в своих стихах. Так и в персидском таржибанде „Шах-и шахан“ (лл. 821—88а) ‘Али-Акбар сетует на то, что он окружен врагами, нет у него верных друзей, приходится ему жить в разлуке с семьей, детьми, скитаться вдали от родины, и просит заступничества и помощи у „святого“ Шах-Накшбанда.

Можно предположить, что автор сам восстанавливал против себя окружающих резкими сатирическими произведениями, в которых его нападки на некоторых лиц порой звучат грубо, и это особенно проявляется в персидском диване, где немало брани в адрес ненавистных автору людей. Однако скорее всего подобные сочинения были лишь следствием отношения к нему царедворцев, недовольных успехами этого талантливого оракзайского парвеню. Во времена Тимур-шаха, как можно заключить из стихов, при дворе правителя и наместников царила атмосфера интриг, погони за наживой, обмана и жестокости, чего не было в такой степени при Ахмад шахе.

В шестой касыде, например (лл. 51б—53а), Акбар рисует картину бедствий и смут, которые обрушились на мир: всюду тирания и притеснения, сердца ожесточились, исчезли справедливость и стыд, алчность возвысилась над всеми чувствами, дети не повинуются родителям, а те забыли о любви к детям, эгоизм разъединил их. Почему мир стал таким, словно наступает его последний день,— спрашивает поэт и тут же дает портрет деспота, „который принимает облик муллы с неправедными четками в руках, скрывает пороки за голубой чалмой, прячет за пазухой меч, сохраняя святость на челе“. Кто же покончит с этим морем крови?— задает вопрос Акбар и добавляет: „Я, Акбар, дал обет сторониться этих людей“. Он не называет имени этого деспота: им мог быть и Каримдад и его сын Азад-хан, сменивший отца на посту наместника и превосходивший его в жестокости и произволе.

(Любопытна короткая фраза на полях одного из листов персидского дивана (1746): *کرمیداد نام قوم افغانان درانی با احقر عناد ذاتی* (درشت) „Каримдад из афганского племени дуррани питал к „презренному“ личную антипатию“).

Большой интерес представляет четвертая касыда (лл. 31б—35б, 74 бейта), потому что в ней перечислены многие места, где бывал Акбар, и близкие ему люди: родные, друзья, суфийские шейхи. Это— монолог, обращенный автором к ветру с просьбой посетить различные места на знакомом ему пути. Мысленно поэт покидает Лакхнау, где находится в изгнании, и побывав в Бихаре, отправляется на родину. Мимо пуштунов Катхера достигает Сирхинда, где передает

привет некоему Му'иззаллаху, спешит в Пенджаб и посещает дома друзей, вместе с ними наслаждаясь стихами. Переправившись через Джелам, он идет к Рохтасу, охотится там на турачей, гуляет в садах Хасан-Абдала, совершает паломничество к гробнице Мийан-Йахйа в Аттоке, посещает Хайрабад и останавливается в Сарае, чтобы встретиться с сардаром Сарафраз-ханом, помолиться на могиле Хаджжи-Ахуна, узнать о Йусуфе и других, вдохнуть аромат Сада Святого и почтить его могилу. Затем—Наушехра и прогулка по Майре с муллой Са'йдом. Наконец, Тирах, родные поэту места: Шахбад, деревня Манал-Умар и очень дорогое Акбару Цамкани, где живут „миан-сахиб“, „младший миан“ Мухаммади-сахиб, видимо, суфийские шейхи. Оттуда домой, а если там никого нет, то в Котла, по дороге на Пешавар, чтобы встретиться со всей родней, отцом, рассказать о себе, обойти все селение, повидать Мир-Хасана, Шех-Ману, Ахмад-джана, Нураллаха. После Тираха—путь в горный Кохсар, через ущелье Гандааб—к Бара, в деревню Азим к Сахиб-Му'аззам-шаху, в селения Манзи, Шахкот, Манавар, на горы Кунда и Ландука, с вершин которых открывается вид на хребты и долины. И всем ветер передает привет от Акбара с просьбой пожелать ему счастья в молитвах.

Похоже, что родным селением Акбара, в котором жили его родители, было Котла, а его собственный дом и семья находились в Цамкани.

Седьмая касыда (57а—58б) рисует образ сардара Мурад-хана, которого Акбар хорошо знал. Это стихотворение о двуличии и подхалимстве приближенных сардара, пытавшихся обмануть и обокрасть этого простоватого доверчивого человека и интриговавших при этом против поэта.

Стихотворение на лл. 48а—49б—марсийа на смерть Хушхал-хана Хатака. Одни строки его позволяют думать, что имеется в виду величайший афганский поэт, живший на столетие с лишним ранее Акбара, но по некоторым другим бейтам можно предположить, что речь идет о Хушхал-хане Хатаке „Шахиде“, Ануке Афзал-хана, жившем в правление Ахмад-шаха, состоявшем некоторое время хакимом Пешавара и погибшем в битве с маратхами.

К первому предположению склоняет нас очень высокая оценка его творчества Акбаром, выраженная, в частности, в заключительных бейтах:

„Кто мог бы продолжить поэзию пуштунов после того,
Как ушел признанный поэт всех афганцев?
Не ищи более ни у кого понимания поэзии:

Умер поэт, знавший цену каждого слова.
 Акбар—в тоске по Хушхалю Хаттаку,
 Ибо покинул мир родник верности в любви!

С другой стороны, многие места стихотворения как будто говорят о том, что оно было написано вскоре после смерти поэта, о котором в нем говорится, и что Акбар знал его лично; из некоторых бейтов видно, что поэта постигла насильственная смерть. В таком случае вероятнее, что Акбар писал о Хушхал-хане „Шахиде“.

Немалая часть произведений Акбара носит отчетливый суфийский характер, особенно газели—и на пашто, и на персидском языке. А некоторые более крупные стихотворения содержат прямое указание на то, что автор принадлежал к суфийскому ордену накшбандийа: так, персидский сборник открывается большим таржибандом (лл. 82а—88а), посвященным основателю ордена шейху Баха ад-дину Шах-Накшбанду и озаглавленным „Шах-и шихан“, в связи с чем так назван и весь второй „диван“ вообще; эта же тема видна в касыда „Нушрих“ (92а—94а), а месневи „Насабиама-и... шах-и шахан“, (89б—91б) является генеалогией Накшбанда, возводимой к имаму ‘Али. Имеется газель (174б—175а), в которой Акбар обращается к богу и „святому“ с просьбой защитить его от врагов. Последние два стихотворения проиллюстрированы миниатюрами (лл. 201б и 202б). Целая страница второго предисловия перечисляет титулы и пышные эпитеты основоположника „цепи“ накшбандийцев.

Из этого же предисловия становится известно имя духовного наставника поэта: им был „совершенный пир с всеведающим сердцем, путеводитель знающих и заблудших, разрешитель дел правых и неправых хазрат хваджа Шах ‘Абд ар-Рахим, известный как Шах-Каман“ (л. 81а). Его печати был удостоен черновик стихов Акбара. Поэт и его вспоминает в своих стихотворениях, а газель на лл. 184б—185а представляет собой акростих, в котором из начальных букв бейтов складывается имя пира. Эта особенность му‘амма объяснена на предшествующей газели странице. ‘Абд ар-Рахим изображен на некоторых миниатюрах книги вместе с самим автором и обозначен на рисунках подписью „джинаб-и хазрат“ (например, 205б, 210б).

Можно предположить, что знакомство Акбара с пиром произошло во время первого пребывания поэта в Кашмире, т. е. в 60-е годы, когда ему посчастливилось узнать также многих афганских литераторов и начать серьезно заниматься поэзией.

Персидский куллият ‘Али-Акбара не лишен и других мест автобиографического свойства, но все, что там есть, либо второстепенно, либо повторяет и уточняет то, что стало уже известно из афганских стихов.

На лл. 114б—116а расположено месневи, озаглавленное „Рассказ о путешествии, которое хуже ада, о случившейся мучительной лихорадке, усталости, отсутствии лошадей в селении Наушери и о приобретении тощей кобылы, которая сто тысяч раз упрячилась, прежде чем сделать шаг“. Это длинное, как и у всех других месневи, название передает содержание стихотворения, и остается только добавить, что из Наушери автор направлялся в Кашмир, что после одного перехода ему удалось достать лошадей и он с войском и обозом „прибыл на место, ко двору шаха“, откуда выехал на следующий день и, миновав тяжелый перевал, достиг округа Панджкам (?) и, далее, места своего назначения в Кашмире. Это стихотворение о тяготах пути написано в юмористическом тоне.

Необходимо упомянуть стихотворение „Рассказ о кончине любимого сына Сулаймана и кончине Илйаса, написанный в состоянии безнадежного горя и отчаяния“ (л. 116аб). Поэт получает сообщение о том, что „ушел из цветника времени Сулайман и с ним вместе Илйас“, и сокрушается при этом: „стыдно мне, что после того письма моего пишущего кровью писца я не отдал сладкую жизнь... О боже, с чем сравнить это отчаяние: Сулайман ушел, а я живу с дивами“. Здесь—повторение прежнего мотива: поэт находится в окружении „дивов“, и новое для его биографии: одного из его сыновей звали Сулайманом. Попутно заметим, что есть миниатюры, на которых Акбар изображен с тремя своими сыновьями.

Сатирическое месневи с длинным названием, начало которого „Стихотворение о Хабйбе, жителе Дакхи...“ (лл. 125б—126б),— полное свирепой брани поношение врага Акбара, некоего Хабйба Моманда, родители которого происходили из племени моманд и хунди, считавшего себя ученым человеком, а на деле якобы дурака, вора и негодяя, единственной „колючки в цветнике дурбара наместника Кашмира Карймдада и в саду его деяний“. В еще более резком тоне и в непристойных выражениях написано прозаическое „Введение к письму, составленному для Рустам-Гуджара Баннучи“ (лл. 145б—147б). Этот человек был, несомненно, злейшим недругом автора. Сценой и здесь является Кашмир (округ Камрадж), а среди действующих лиц те, кому Акбар симпатизирует и чьи имена уже встречались в книге: Султāн-Махмūd, Му'иззаллах, Нураллах.

Небольшое стихотворение посвящено приему у одной знатной дамы, ее красоте и уму и чувствам автора к ней. В очень длинном заглавии автор уведомляет читателя, что он послал поэму любимой (лл. 112а—113а).

Немало поэтических и прозаических произведений шуточного и иронического характера. В одном Акбар подсмеивается над своим другом 'Алам-ханом („О храбрости мужа, который любил хвастать

своим мужеством", л. 127а—128б), в другом—над человеком, давшим клятву и не сдержавшим ее. В заголовках таких стихов и рассказов Акбар обычно указывает, что они написаны „в шутку“, „как анекдот“. Особое место занимает пародия на историческую хронику („джанги́ма“, лл. 139б—145б), в которой имена действующих лиц: полководцев, правителей, летописцев—образозаны от названий разнообразных кушаний, овощей, фруктов и т. д. с добавлением титулов хан, мир, бек, мирза, султан, хатун и др.

Афганский сборник уже при простом перелистывании его производит впечатление автографа, и это отметил в своей статье А. Бахтанай. Многие газели не закончены, иногда после них, перед следующим стихотворением, оставлено место только для макта, иногда пропущены несколько строк или весь низ страницы. Порой оставлен пустым верх страницы либо на ней вписаны только один-два бейта, некоторые страницы совсем без текста. Часть листов перебита, что можно видеть на примере больших касыд. На полях имеются варианты бейтов и поправки такого характера, какие мог внести только сам автор стихов. Стихотворения не имеют, как уже было указано, принятого для диванов расположения в порядке алфавита рифм. Все это согласуется со сказанным в предисловии о том, что написанные в юности стихи были оставлены на „рассыпанных листах“, а позднее объединены в сборник, и позволяет утверждать, что рукопись действительно является автографом, но не черновым, а переписанным на бело (очень красивым насталиком, особенно в персидской части).

Впрочем, в качестве доказательств этого могут быть привлечены и более веские факты. В частности, Акбар, обычно называющий свой „Гулшан-и афганӣ“ сборником (маджмӯ'а) и реже диваном, в конце предисловия пишет о нем и как о рукописи: „Охрани, господь, эту рукопись от превратностей времени, а автора улади в обоих мирах“ и „О боже, охраняй покой того, кто будет читать эту рукопись и за меня молиться“ (л. 18а). Естественно, что переписчик заменил бы либо слово „рукопись“ на „книгу“ или „диван“, либо слово „автора“ на „переписчика“.

И судьба действительно хорошо сохранила рукопись, дошедшую до нас в более чем удовлетворительном состоянии, и притом оберегала столь ревностно, что никому не довелось ее скопировать, хотя бы частично. Неизвестно, где находилась рукопись после смерти автора и как она оказалась в Армении. В ней обнаруживаются две даты более позднего времени: 1261 г. х. (1845 г.) на обороте одной из миниатюр (л. 202а) после пробы пера почерком шикасте и 1277 г. х. (1860—61 г.) после вписанного другой рукой рассказа из „Гулистана“ (л. 193б), текст которого помещен в такую же рамку, как и находящиеся в нем стихи Акбара. Можно думать, что рукопись к 1261 г. х. еще не имела вида переплетенной книги, так как

часть текста на л. 202а, находящая по краям, срезана, очевидно при переплетении. То же наблюдается и на других листах, однако это могло произойти и при реставрации и повторном переплетении. Попутно отметим, что на внутренней стороне нижней крышки переплета имеется запись о владельце, плохо различимая на микрофильме:

بطریق امانت کتاب هذا از جناب فضایل آگاه آخند زاده صاحب می باشد
и, к сожалению, не содержащая конкретной информации: „Взятая во временное пользование, эта книга принадлежит его учнейшему степенству ахундзада-сахибу“. Остается лишь строить догадки, не были ли этот ахундзада—„потомок ахунда“—потомком 'Али-Акбара.

Чрезвычайно интересны девятнадцать миниатюр, расположенных после текста персидского куллията и позднее вписанного хикаята из „Гулистана“ (л. 193аб). Они добавляют еще некоторые штрихи к полученному словесному портрету автора и, к тому же, многократно повторяют его портрет в буквальном смысле слова. Многие из них иллюстрируют стихи Акбара, по меньшей мере на восьми рисунках изображен сам поэт—то со своим пиром, то во главе войска, с друзьями, сыновьями, танцовщицами.

Наиболее интересна миниатюра на л. 205б, где изображены несколько суфиев, в том числе, крупным планом, сидящие друг против друга поэт Акбар и его духовный наставник (несомненно, несколько раз упоминаемый им Хваджа Шах-'Абд ар-Рахим). О том, что изображены именно они, утверждают сделанные возле них надписи: جناب حضرت (именно так титулуется всюду своего пира 'Али-Акбар) احقر على اکبر. Эта последняя подпись могла быть сделана только Акбаром, потому что только сам пишущий или говорящий может назвать себя احقر, только к самому себе применим этот эпитет „презреннейший“, в противном случае он может быть употреблен лишь в бранном значении. К тому же, почерк тот же, что и в рукописи.

На другой миниатюре (л. 210б) те же лица изображены читающими Коран и также обозначены подписями احقر و جناب حضرت, а в нижней части того же рисунка—сцена, которая должна была предшествовать верхней: Акбар направляется к пиру или ждет его разрешения войти, а вместе с ним трое его сыновей, слуги и другие лица (каждая из трех этих групп обозначена подписью). Сюда же примыкает еще одна миниатюра с изображением пира, Акбара и трех его сыновей, сидящих напротив пира (здесь поэт обозначен именем). На обороте рисунка (л. 212б) пояснение: „Подлинность

радения в обители его святейшества пира и наставника—да продлится сень его—и того, как „презреннейший“ вместе с сыновьями удостоился принятия благословенным святейшеством“. Еще три рисунка посвящены ордену накшбандийа. На одном молящегося коленапреклоненного Акбара пытаются убить нападающие сзади враги, но в них стреляет из лука сам основатель ордена. Это иллюстрация к одному из стихотворений, и, чтобы все было ясно, персонажи подписаны: „‘Али-Акбар“, „саф-и душманан“, „Шах-Накшбанд . . . мушкилгуша“. Второй рисунок—иллюстрация к месневи „Насабнама“, о чем гласит подпись, с изображением 21 фигуры шейхов—„передатчиков благодати“. К третьему (л. 200б) Акбар дает пояснение на обороте, вкратце сводящееся к следующему: вечером, когда он сочинял газель, привиделась ему улица с застекленными лавками по обеим сторонам и возле каждой лавки хозяин; появляется конный отряд, и „презреннейший“ спрашивает: „что это за войско?“, и ему отвечают, что это войско хазрата Шах-Накшбанда; „я побежал к отряду, чтобы оказать почести в связи с прибытием,— заканчивает свое пояснение Акбар (на рисунке он прикладывает губами к стремяни Шах-Накшбанда),— и проснулся“.

Стоит отметить, что у пира Акбара на разных рисунках различная осанка, и, если эти различия не случайны, а передают возраст, можно установить по ним хронологическую последовательность изображаемых событий. Лицом ‘Али-Акбар одинаков на всех рисунках, и поэтому его легко найти и там, где нет никаких подписей: в сценах боя верхом на лошади, во время приема у уже упомянутой знатной дамы, у пира, и наконец, под сводом из семи небес, над которыми помещается рай. На остальных миниатюрах изображены: восседающий на троне правитель и окружающая его свита—судя по одежде и головному убору, Надир-шах (л. 208б); женщина с короной на голове и прислуживающие ей женщины и мужчины; панорама Мекки и Медины; имеются также незаконченные эскизы.

Миниатюры могли бы оказаться полезными для изучения некоторых реалий быта того времени: посуды, интерьера и особенно одежды— мужской, женской, головных уборов. У Акбара, к примеру, на всех рисунках разная чалма. Художник изобразил также ковры, конские чепраки, флаги. Все иллюстрации помещены в одном месте. Разумеется, сборники стихов и рисунки были переплетены не самим автором, а возможно, после его смерти или после того, как были увезены куда-то на запад. Поэтому стихи оказались не собранными в диван, а иллюстрации—не поставленными на свои места, хотя и сохранились пояснения автора на вложенных между ними листах.

Все эти пояснения и подписи к рисункам выполнены той же рукой, что и основной текст рукописи, но менее аккуратным почер-

ком (то же самое, в еще большей степени, относится к почерку всех „мута'ибат“). Встречающееся здесь применительно к автору слово „ахкар“ подкрепляет высказанное выше утверждение об автографе (переписчик, даже если бы он сохранил это слово в пояснении на отдельной странице, что маловероятно, ни в коем случае не обозначил бы им автора на рисунке).

Пометки такого рода на самих миниатюрах, а также несомненная принадлежность всего оформления рукописи тому же лицу, которое изготовило эти миниатюры, не обладающие, кажется, высокими художественными достоинствами,— все это заставляет нас предположить, что этим лицом был сам поэт Акбар. Из этого следует, что он был художником: не слишком одаренным живописцем, но превосходным каллиграфом, ибо его крупный насталик очень красив и четок. (Заметим кстати, что орфография и графика в основном соответствует той, которая присуща рукописям XVIII века. Весьма характерной особенностью является отсутствие знака چ, который всюду заменен на ح для передачи звуков /дз/ и /ц/, тогда как обычно в то время оба эти звука обозначались буквой چ. Иногда, согласно восточному произношению, буква بنی заменяется на خ, а بن на گ).

Теперь, когда выяснено многое об 'Али-Акбаре, можно сделать попытку отыскать это имя в сочинениях, повествующих о событиях того времени, в случае успеха определить, не скрывается ли за ним наш поэт, и тем самым пополнить сведения о нем. Некий 'Али-Акбар, пишхизмат, играл активную и немаловажную роль в политической жизни в период борьбы за власть между сыновьями Тимур-шаха в 1793 году и в этой связи неоднократно упомянут в „Украшении летописей“ Хусайна— 'Али⁴. Судя по характеру деятельности, его со значительной степенью вероятности можно отождествить с героем статьи, и в таком случае составить себе представление о его занятиях в последующие годы.

В работе современного афганского историка Фуфалзаи „Тимур-шах Дуррани“ приведен большой список „имен великих ханов, ученых, поэтов, писателей и духовных лиц Афганистана, которые в эпоху Тимур-шаха имели племенное, народное и литературное влияние“. В списке имеется имя 'Али-Акбар-хан Оракза'и⁵. Хотя, к сожалению, при этом имени нет никаких помет и пояснений, у нас нет сомнений в том, что упомянут автор нашей ереванской рукописи, который подходит под все определения, перечисленные в заголовке спи-

⁴ Хусайн Али, Украшение летописей. Перевод с персидского, введение и примечания Г. А. Волошиной. Ташкент, 1965, с. 104—112

⁵ عزیز الدین وکیللی فوفلزائی— تیمور شاه در آئی— جلد دوم— ص ۴۲۰

ска. Там же есть имя 'Али-Акбара Бамруді, „мунши и поэта“, но наш 'Али-Акбар нигде никак не связывает себя с Бамрудом.

Об уникальности любой рукописи мы вправе говорить лишь с учетом изученности всего рукописного наследия к данному моменту. В изданных каталогах удалось найти два сочинения, представляющих собой сборники стихов поэта или поэтов с тахаллусом Акбар. Любопытно, что это именно сборники, а не диваны. Один из них хранится в Британском музее⁶, и микрофильм этой рукописи был получен нами благодаря любезности английских востоковедов Д. Н. Маккензи и П. Уэйли. Уже первое знакомство с ним убеждает в том, что стихи принадлежат другому поэту: рукопись, являющаяся, несомненно, автографом, писана совершенно другим почерком, иная тематика, автор славословит шейха 'Абд ал-Қадыра и принадлежит к ордену Кадирийа, имеется панегирик некоему „кисра Хусайн-х̄ану Му'изз ад-дину Гази Бадшаху“, встречаются совсем другие, чем у 'Али-Акбара, имена—шейхов и правителей, и в частности, Шахджахана и Аурангзеба. Наконец, на последнем листе изображен прямоугольник, заменяющий печать, с надписью внутри него: „Мухаммад-Акбар—знамя веры“. Это не только имя пророка, но и, несомненно, автора стихов. Он жил, вероятно, в первой половине XVIII века.

Другой манускрипт со стихами некоего Акбара принадлежит Азиатскому обществу Бенгалии⁷. Автором калькуттской рукописи В. А. Ивановым назван „'Али-Акбар Вахби(?)“. Кроме последней части имени, все остальные содержащиеся в каталоге сведения о нем не отклоняют идентификации: он был „очевидно, последователем ордена чишти, писавшим близко к концу XVIII в., ибо в конце (л. 15б—16) имеется несколько хронограмм с датой 1198/1781. В диване немного газелей, не в алфавитном порядке, несколько кит'а, рубай и др.“ Приведенные начала газелей, рубай и кит'а не обнаруживаются в рукописи Матенадарана, но они ведь могут относиться к другим стихам ее автора. Только сама рукопись может позволить принять или отвергнуть отождествление.

Выделение основных для биографии Акбара фактов из изложенного выше составит следующее короткое резюме.

'Али-Акбар Оракзай, сын Қасим-х̄ана, родился между 1736 и 1747 гг. в Хайберском Тирахе, вероятнее всего, в селении Котла под Пешаваром. Позднее переехал в близлежащую деревню Цамкани. С юных лет любил поэзию и писал стихи на пашто. Уже в молодости

⁶ J. F. Blumhardt and D. N. Mackenzie, *Catalogue of Pashto Manuscripts in the libraries of the British Isles*, London, 1965, № 109.

⁷ V. A. Ivanow, *Concise descriptive catalogue of the Persian manuscripts in the Collection of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta, 1924, № 301. (в рукописи только 16 листов).

стал суфием, и среди его первых наставников был миан Мухаммад-ди-сахиб. После 1762 г. оказался на службе у наместника Ахмад-шаха Дуррани в Кашмире—Нур ад-дин-хана Попалзая. Там 'Али-Акбар находился в обществе образованных людей, адибов, поэтов. Он изучил персидский язык и поэзию, поэтическую науку и, помимо афганских стихов, стал писать персидские. Неизвестно, кем служил Акбар у Нур ад-дина, возможно, мунши, а может быть,— в войске. После нескольких лет службы в Кашмире ему пришлось возвратиться домой. Около 1774 г., уже в правление Тимур-шаха, Акбару удалось, по протекции принца Султан-Махмуда снова попасть в Кашмир во главе собранного им отряда для борьбы с мятежным наместником Амир-ханом Джаваншером. После двух походов, совместными с Каримдад-ханом усилиями в 1776 г. Амир-хан был разбит и пленен. Каримдад стал наместником в Кашмире, а Акбар остался у него на службе. Вследствие интриг и клеветы со стороны своих врагов он через некоторое время был вынужден покинуть Кашмир и долго скитаться. Вероятно, он провел какое-то время в Рохилканде, Бихаре, Ауде, в частности, жил в Лакхнау. После того он еще в течение восьми месяцев состоял на службе у Каримдада. Акбар постоянно совершенствовался в суфизме. Он был знаком с суфийскими шейхами всюду, где ездил. Его пиром был глава накшбандийского ордена в Кашмире(?) Шах-'Абд-ар-Рахим Шах-Каман. Акбар бывал у него вместе со своими тремя сыновьями. Известно, что одного из сыновей звали Сулайманом.

Судьба 'Али-Акбара после его службы в Кашмире не может быть прослежена по оставленным им различного жанра стихотворениям на пашто и дари, по персидской прозе и рисункам, но вполне вероятно, что в 1793 г. он участвовал в борьбе за власть между сыновьями Тимур-шаха, то на стороне Хумайуна, то на стороне Замана.

Рукопись его работ является его автографом и убеждает в том, что 'Али-Акбар был не только автором поэтических и прозаических произведений на пашто и дари, но также каллиграфом и художником, участником военных и политических событий.

Таковы некоторые сведения фактографического характера, извлеченные из произведений единственной афганской рукописи Матенадарана и, вероятно, единственной в мире рукописи сочинений поэта, который в течение почти двух столетий оставался не известным своему народу. Произведения 'Али-Акбара Оракзая, так же как и упомянутого в начале статьи его старшего современника 'Абд ар-Рахима Хотака, заслуживают того, чтобы увидеть свет и стать всеобщим достоянием.

В заключение хочу выразить глубокую признательность всем тем ученым, которые оказали содействие в получении микрофильма произведений 'Али-Акбара из Еревана и микрофильма рукописи [Мухамад=] Акбара из Лондона: доктору Д. Н. Маккензи и хранителю Британского Музея П. Уэйли, академику Л. С. Хачикяну и профессору А. Д. Папазяну, заведующему Рукописным отделом ЛО ИВ АН М. П. Волковой и научному содруднику Государственного Эрмитажа А. А. Иванову.

Тегеран, 22.7.75

Վ. ԿՈՒՇԵՎ

ՆՅՈՒԹԵՐ XVIII ԳԱՐԻ ԱՅՂԱՆ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾ ԱԼԻ-ԱՔԲԱՐ ՕՐԱՔՉԱՅԻ ԿԵՆՍԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

(Մատենադարանում պահվող նրա ինֆնագիր ձեռագրի բնօրինակով)

Մատենադարանի արարատառ ձեռագրերի հավաքածոյի 538 համարի տակ գրանցված ձեռագիրը Ալի-Աքբար Օրաքզայ անունով բանաստեղծի աֆղաներեն (փոշտու) և պարսկերեն շափածո ու արձակ ստեղծագործություններն ամփոփող ձեռագրի մի ժողովածու է: Նրա մեջ կան ուշագրավ տվյալներ հեղինակի կենսագրության և XVIII դարի 40-ական թթ. մինչև դարավերջը տեղի ունեցած պատմական անցուդարձերի, նշանավոր գործիչների, աշխարհագրական վայրերի և այլ հարցերի մասին:

Հոգվածագիրը բոլոր այդ նյութերի համադրությամբ վերականգնում է Աքբարի կենսագրության հիմնական դրվագները. ծնվել է 1736—47 թթ. միջոցին՝ Փեշավերի մոտ գտնվող Կոտլա գյուղում, երկար տարիներ ծառայել է Քաշմիրի փոխարքայի մոտ գրագրի (գուցե և զինվորականի) պաշտոնով, շփվել է արվեստասեր ու գիտուն մարդկանց հետ, հորինել է զեղարվեստական ու ճանաչողական արժանիքներ ունեցող բանաստեղծություններ փոշտու և պարսկերեն լեզուներով և այլն: Նրան են պատկանում նաև ձեռագրի մեջ առկա 19 մանրանկարները, որոնցից 8-ի մեջ հեղինակը պատկերել է նաև իրեն՝ իր փրփի, զինվորական ջոկատի, ընկերների, որդիների և պարուհիների հետ միասին:

Հոգվածագիրը հանդում է այն եզրակացության, որ Ալի-Աքբար Օրաքզայի ստեղծագործությունների ինքնագիր այս ժողովածուն արժանի է ամբողջական հրատարակության՝ որպես աֆղանական գրականության արժեքավոր մի հուշարձան:

V. V. KOUCHEV

MATERIAUX CONCERNANT LA BIOGRAPHIE DU POÈTE AFGHAN
DU XVIII SIÈCLE ALI AKBAR ORAKZA(D'après les données de son manuscrit autographe conservé
au Maténadaran)

(R e s u m e)

Au nombre des manuscrits d'écriture arabe du Maténadaran sous le numéro 538 est conservé un recueil rare d'oeuvres poétiques et en prose du poète Ali Akbar Orakza en afghan et en persan. Il comporte des données intéressantes concernant la biographie de l'auteur, les événements historiques ayant eu lieu dès les années 40 jusqu'à la fin du XVIIIe siècle, les hommes célèbres, les localités géographiques, etc.

Après la comparaison de ces matériaux l'auteur de l'article a éclairci les dates principales de la biographie d'Akbar: il est né en 1736—47 au village Kotla près de Peshawar, a servi pendant de longues années le gouverneur du Cachemire comme scribe (et peut-être comme militaire), a connu des hommes savants et aimant les arts, a écrit des poésies d'une grande valeur artistique et instructive en pouchtou et en persan, etc.

Dix-neuf miniatures du manuscrit appartiennent à son pinceau. Dans huit de ces miniatures l'auteur s'est représenté lui-même avec son détachement militaire, ses amis et ses fils, des danseuses. L'auteur de l'article estime que le manuscrit autographe D'Ali Akbar Orakza, en tant que spécimen précieux de la littérature afghane, doit être publié intégralement.